

А. ГРАУР

СТРУКТУРАЛИЗМ И МАРКСИСТСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Идея открыть дискуссию о структурализме кажется мне очень удачной, тем более что об этом направлении говорят часто «вообще» — либо всецело принимая, либо, наоборот, целиком отвергая его. Прежде всего мне представляется, что подобные дискуссии могут быть плодотворными только в том случае, если они ведутся с позиций марксизма. Научные труды как в Советском Союзе, так и в странах народной демократии должны основываться на марксистско-ленинском мировоззрении. Я считаю данную истину аксиомой, поскольку теория и практика в разных областях научных исследований доказали, что это мировоззрение является самым передовым. К тому же до настоящего времени мне не пришлось еще слышать, чтобы в странах социализма кто-либо предложил отказаться от диалектического материализма.

В статье С. К. Шаумяна «О сущности структурной лингвистики», помещенной в № 5 за 1956 г. «Вопросов языкознания», полно и точно излагаются концепции различных школ этого лингвистического направления. Однако из статьи все же неясно, считает ли автор необходимой марксистскую лингвистику или, подобно некоторым румынским лингвистам, допускает, что структурная лингвистика это и есть марксизм в языкознании. Я считаю необходимым выяснить, дает ли структурная лингвистика или какая-нибудь другая лингвистическая доктрина что-либо положительное для марксистской лингвистики. В связи с этим возникает вопрос: что такое марксистская лингвистика? Точного и общепринятого определения, насколько мне известно, пока не существует. Вот почему необходимо прежде всего уточнить это определение. Мне представляется, что в свете марксистско-ленинского мировоззрения лингвистика, для того чтобы ее можно было назвать марксистской, должна отвечать следующим четырем условиям: 1) языковые явления должны рассматриваться в их общности, в их взаимосвязи и взаимодействии; надо учитывать системный характер языковых явлений и диалектическое единство языка и мышления. Это ни в коем случае не может означать, что мы вправе пренебрегать деталями; 2) рассматривать язык надо как явление, находящееся в постоянном движении, развитии, изменении. Исторический анализ должен преобладать над описательным, хотя из этого не вытекает, что нельзя рассматривать состояние языка в тот или иной момент его развития; 3) изучать развитие языка необходимо в тесной связи с развитием того общества, которое он обслуживает. Это, конечно, не должно означать, что любое изменение строя языка следует объяснять непосредственным влиянием изменений, происходящих в обществе; 4) необходимо признать, что существенной задачей лингвистики является раскрытие внутренних законов развития языка. Из этого, однако, не следует, что внешние влияния на язык не должны учитываться.

Изложенные положения, конечно, не новы в языкознании. Так, структурная лингвистика стремится рассматривать язык как единую структуру,

хотя нередко пренебрегает деталями. Младограмматики настаивали на историческом характере языка и, в меру своих сил, изучали его развитие. Некоторые из представителей школы структурной лингвистики пытаются, а иногда и не без успеха (например, Курилович и Мартине), поставить свои исследования на службу истории языка, сопоставляя систему языка на том или ином определенном этапе развития с предшествовавшими или последующими фазами. То, что язык развивается в тесной связи с развитием общества, категорически утверждает французская школа А. Мейе. Настаивая на том, что изменения в языке происходят лишь благодаря внутренним факторам, Ф. де Соссюр подходит к положению о внутренних законах развития языка, и некоторые из сторонников структурной лингвистики являются его последователями в этом отношении.

Следует ли из всего сказанного, что марксистская лингвистика является эклектической? Ни в коем случае. Сущность ее вытекает из единого, цельного, предшествующего всем указанным лингвистическим школам диалектико-материалистического мировоззрения. Если некоторые выдвигаемые этими школами положения близки к марксистской лингвистике, то это объясняется либо случайным совпадением, либо усвоением представителями названных школ определенных идей диалектического материализма.

Надо, однако, указать, что помимо сходства между марксистской лингвистикой (как она определялась мною выше) и остальными лингвистическими направлениями, у них есть и различие. Ф. де Соссюр и велел за ним большинство сторонников структурной школы решительно выступают против историзма. Как глава «социологического» направления, так и его последователи-структуралисты отказываются признать связь истории языка с историей общества (см. пример, приведенный С. К. Шаумяном в его статье). Уже одного этого достаточно, чтобы отказаться от отождествления немарксистского и марксистского языкознания. Многие из структуралистов и прочих идеалистов отрывают язык от мышления. Они даже утверждают, что фонология и грамматический строй языка могут изучаться без знания значения самих слов и предложений. Младограмматики же не понимали, что язык должен рассматриваться как система, а Мейе не признавал и не знал внутренних законов развития языка. Однако, если бы пришлось выбирать среди всех немарксистских лингвистов, наиболее близким к марксизму я бы, конечно, назвал именно А. Мейе.

Может показаться странным, что, обсуждая сходство и различие между марксистами и немарксистами в лингвистике, я ничего не упомянул о борьбе между материализмом и идеализмом. Само собою разумеется, что марксистская лингвистика может быть только материалистической. Этот материализм проявляется прежде всего в связи лингвистики с историей общества, а следовательно, и с материальной действительностью. Несомненно, звук материален, и это нельзя упускать из виду. Однако, во-первых, фонетика в целом занимается не только изучением материальной стороны звуков и, во-вторых, она не является важнейшим разделом в лингвистике (хотя обычно фонетике, или фонологии, придавалось гораздо больше значения, чем всем остальным разделам лингвистики). Постулируемая структуралистами теория противопоставлений без положительных сопоставляемых (*oppositions sans termes positifs*), которую нельзя назвать иначе, как явно идеалистической теорией, является подлинной догмой. Последняя без всяких оговорок принимается С. К. Шаумяном. Как можно установить противопоставление между несуществующими явлениями?

Известно, как Ф. де Соссюр установил противопоставления без положительных сопоставляемых: отметив, что русский род. падеж мн. числа

слов, отличающийся нулевым окончанием, противопоставляется им. падежу ед. числа *слово* так же, как он противостоял ему и тогда, когда оканчивался на *ъ*, Соссюр приходит к выводу, что в языке для противопоставлений нет необходимости и в положительных сопоставляемых. Порочность такой аргументации легко доказать: можно с таким же успехом получить противопоставление как между двумя значимыми единицами, так и между одним значимым и одним незначимым, ибо в последнем случае отсутствие представляет собой ту же положительную единицу. Но в действительности между двумя незначимыми единицами невозможно получить какое-либо противопоставление ни в языке, ни в других явлениях. Так, например, во французском языке 1-е лицо ед. числа [šät] и 3-е лицо ед. числа [šät] можно различить лишь благодаря личному местоимению: *je chante, il chante*.

Нельзя не считаться с физическими свойствами звуков. Классификация строится не только на базе противопоставлений, но также и на базе сходств. Мы не противопоставляем трамвай обувной щетке, а противопоставляем обувную щетку головной щетке или щетке для платья; трамвай — поезду или автобусу. По теории фонем два звука являются разновидностью одной и той же фонемы, если, заменив один другим, мы не получим другой звуковой комплекс. Если произнести по-русски [ščöt] вместо *счѣт*, [ö] представляло бы собой не отдельную фонему, а лишь разновидность фонемы [o], так как [ščöt] не имело бы другого смысла, чем *счѣт*. Почему же оно было бы разновидностью именно [o], а не [z] или [l]? Не потому ли, что между [ö] и [o] есть существенное сходство?

Кроме того, фонема определяется не только различиями по сравнению с другими фонемами, но также и своими собственными положительными свойствами. Если употребить в русском языке чешский звук ř и произнести řis вместо *рис*, звук ř здесь не был бы разновидностью фонемы [r], а просто не имел бы никакой ценности: весь звуковой комплекс потерял бы смысл и, следовательно, не представлял бы собой слово.

Возникает вопрос, что можем мы воспринять от вышеупомянутых школ (не говоря о менее интересных лингвистических направлениях)? От младограмматиков и Мейе — богатый фактический материал в области исторической грамматики, от Ф. де Соссюра — системный характер языка, на котором он настаивал с тех времен, когда был еще младограмматиком (хотя он и не является первым, выдвинувшим это положение). От структуралистов — в той мере, в которой они признают историю, — факты, вносящие ясность в непрерывное изменение системы языка. Основной проблемой, как мне кажется, остается проблема связи языка с обществом, а не изучение языка «в себе и для себя», как утверждает Ф. де Соссюр.